

Почему «дважды», говоришь? Ну, первый раз - понятно, 57 лет назад на свет появился. А во второй - в случай попал, в ситуацию, значит, особую...

«Случай» у Николая Ивановича Максимова, слесаря 7-го района канализационной сети Мосводоканала, и впрямь никакими инструкциями и нормативами не предусмотренный. Жене Галине в тот сентябрьский вечер позвонили с работы. Готовили к худшему: «Делаем все возможное, но шансов почти никаких». Все было против Максимова: законы физики, медицины, логики, здравый смысл, опыт человеческий, наконец. «За» - красные кресты труповозки, маячившей белым пятном у места происшествия, и багры в руках спасателей для поимки... утопленника.

Сейчас «утопленник» сидит напротив меня. Немного словесный, серьезный, с большими, привычными к работе руками. И поди докопайся до его сути, до того характерного и особенного в человеке, что только в минуты смертельной опасности и всплывает на поверхность, и одолевает порой неодолимое.

В ту черную сентябрьскую ночь он так и замер на пороге родного дома, как гость из чужого и непонятного нам мира, успев уже мысленно проститься с миром человеческим, и вопреки всему вернувшийся обратно...

6 сентября Максимов по обычаю соберет за праздничным столом жену, дочь, друзей, чтобы отметить второй день рождения: «Пятый год живу сверхсрочно. Не шутка!» И вспомнит все, как было...

Как раз после обеда нашу бригаду на ту злополучную аварию и выдернули. У метро «Выхино» прорвало что-то. Приехали, надо в коллектор спускаться, выяснять, что там. Сверху меня молодой парень страховал - веревку держал, а я себе ступеньки считаю. Раз, два, три, четыре... Вдруг ноги у меня в воздухе повисли: ступенька оторвалась. Парень, что наверху стоял, веревку не удержал, и я со всего маху в колодец рухнул. Рост у меня метр семьдесят - и глубина воды примерно такая же...

В первые секунды я шок пережил. Потом ногами от дна оттолкнулся, всплыл, выплюнул гадость, которой успел нахлебаться. А течение в коллекторе - метра четыре в секунду. Сначала пытался за стены, за кирпичи ухватиться. Дудки! Все скользкое, липкое. Осталось либо тонуть, либо плыть по течению. И я поплыл...

Года четыре назад довелось мне промелькнуть с крохотной заметкой о Максимове, рассказать читателям о смертельной схватке человека с взбуровавшей подземной рекой - схватке, длившейся семь часов. По моим следам пошли другие репортеры, и Николай Иванович замелькал на страницах газет и журналов. Что, в общем-то, несвойственно для постперестроечной прессы, у которой иные герои: политики и олигархи, преступники и проститутки, лицедеи и шоумены. А тут слесарь. Простой русский человек. Максимова «выручил» жанр очерка-триллера, прочно уже вошедший в моду. Акул пера больше интересовало «как», а не «почему». То есть подробности поединка со смертью, детали кошмара, скандальные особенности невероятного-очевидного.

Никто не поинтересовался, почему именно он вернулся. Судьба, характер, да и сам человек остались за кадром.

Мелькнул захватывающий сюжет - и исчез. О Максимове забыли. И вот я на правах старого знакомого набираю домашний номер Николая Ивановича. «Он с ребятами в Кускове, к десяти вечера будет дома, - слышу голос жены Галины Викторовны. - Да вы приходите».

...Сдружился как-то Максимов с учителем физкультуры из 407-й кусковской школы.

вальцовщик. Из огня-пламени вынимал день за днем медные заготовки. Но в начале 1990-х замерла литейка, погас огонь в домнах, остановились прокатные станы. «Половодье реформ» выбросило Николая Ивановича на улицу. И в 45 лет пришлось ему начинать все заново в аварийной службе Мосводоканала. Вгрызаться в нелегкую науку слесаря. Как

ше, мне повезло. Руками, зубами, чем мог вцепился в мокрый заскорузлый металл.

Ступенька, еще ступенька... Ну, думаю, все - победа! Поддал головой люк - не открывается. Еще, еще! Глухо. Прикипел, зараза! А внизу ревет подземная река. Чуть зазеваясь - враз тебя слопает.

Это только в романах пи-

В самом начале 1990-х, когда заглох завод, Максимов превратился в безработного. Позже сосед выручил, на аварийную службу в 7-й район канализации определил. Хотя и с запашком работа, и не почетна, зато зарплату платят вовремя. Значит, жить можно. Обменял Николай Иванович квартиру, в ведомственный мосводоканальский дом

защиту отправляться можно. Хотя и не святые они, товарищи-то, и не лубочные герои вовсе. Но есть у них у всех еще от поморов идущая мудрость: не меняй экипаж своего корабля, где ты знаешь всех и все знает тебя, какие бы золотые горы ни посулили на новом месте. Вот Максимов и не меняет. Я понял-таки, почему...

ДВАЖДЫ РОЖДЕННЫЙ

ФОТО АНДРЕЯ НИКЕРИЧЕВА

вехал. Там, как правило, люди друг друга давно знают, при встрече руку протягивают, к новым людям приглядываются. Вот и к Максиму приглядывались. Человек вроде надежный. Светил с начальником, с кадрами... И начал он потихоньку слесарить. Как раз до того особого случая.

Сижу я под люком, коплю силы, а тем временем на поверхности спасательные бригады сформировали - это мне потом уже ребята рассказали. Ходят вдоль коллектора, люки открывают, кричат: «Николай Иванович, отзовись!»

Через полтора часа на Новолоберецкую станцию азрации каска моя приплыла. Они там санитарную машину вызвали, багры приготовили: труп, значит, мой выплавлять. Часов в десять вечера жене сообщили, что шансы мои... В общем, чтоб не ждала. А я все под крышкой люка сижу. И мысль вертится: сознание бы не потерять.

Посветил вниз фонариком. Вижу, уровень воды в коллекторе снижается. Это значит, обо мне заботятся. Чтоб не утонул... Вода с каждым часом убывает. Дай, думаю, спущусь: может, железяка или камень какой попадет. Спустился. И точно - в пяти шагах здоровенный булыжник нащупал. Ташу его наверх. Бабах о железо!!! Так я этот люк проклятый и скovyрнул.

В подобных местах рассказчик обычно переходит на тон чуть-чуть ироничный. А тогда-то не до шуток, не до потехи было. Всерьез все...

Бог с ним, что за эти годы не попал Максимов в Книгу рекордов Гиннеса, и фильм о нем не сняли, и медали-ордена за мужество, стойкость, а паче всего - за высочайший профессионализм на грудь не повесили. Радуйся, мол, что живым остался, все мыслимые и немыслимые барьеры преодолел и вопреки расчетам и инструкциям спасателей, уже его похоронивших, предстал перед ними за гробом тенью. Но все-таки... Воды с той поры утекло немало, опыта и профессионализма прибавилось - думал я, Иванович, наверное, в начале своего вышле, «бурлит» себе на солнышке...

Ан нет. По-прежнему колесит на аварийной машине. Он, напарник его - тоже слесарь - и водитель. Максимов на «аварийке» уже тринадцатый год, напарник - двадцать пятый, а шофер - почти три десятка лет. И так они друг к другу прикипели, что ничего в своей жизни менять не хотят. Видели друг друга, как говорится, во всех видах: и в переплетках вместе бывали, и жизнью обща рисковали не раз. А работа - сплошной риск. Захлопнул утром дверь из дома - что там судьба заготовила, какое ЧП?.. Но Максимов уверен: с каждым не то что в разведку, но и на дежурство в районную канали-

Вылез я тогда. Темнотица кругом. Смотрю - шоссе. Иномарка навстречу. Я руками машу. Остановилась. Спрашиваю водителя: «Куда я попал?» - «Новокосино», - отвечает. Во, думаю, дела: под землей три с половиной километра проплыл.

Вижу, впереди люди у колодца возятся. Похоже, наши ребята меня ищут. И начальник Нияз Зинатуллин с ними. Кричу им: «Братцы!» А Нияз меня не узнал - понятия не имеет и на нерве все - вскипятился: «Иди ты...». - «Да это ж я, Максимов». - «Сынок, родной!» Да что тут рассказывать...

В общем, второй раз я на свет родился.

Дочка-то, - пытаю Николая Ивановича, - гордится вами?

Гордится, но потихоньку. Ирина с красным дипломом МЭИ окончила, инженер-электротехник. По этой части тоже легких слобов не бывает. Но хлеб-то свой, не заемный. Честный. Вот в чем штука. Ну и работа, понятная, любимая...

Не привелось Максиму «рубить» легкий рубль, когда направо и налево этим только и промышляют. А зачем? Голова, руки, ноги есть. Зарплату платят. На хлеб хватает. Что еще? Жена, правда, без работы. Но это временно, переживем. А то, что труд неблагодарный, так к этому не привыкать. На Выхино, когда аварию ликвидировали, ларечников подтопило. Ну хоть бы кто спасибо сказал. Или чем угостил. Нет, такого не водится. Наоборот, мешаем им в роде. «Аварийка» всем помеха - все куда-то спешат и ни до кого нет дела.

...Расставаясь с Максимовым, подумал я вот о чем. Десятилетие за десятилетием, время от времени как все трактуют русского человека? Onde и пьяница, и лентяй, и ворюга, и бездарь, и прочее. И будущего, мол, у нас нет - одно темное прошлое. И стоять-де нам на коленях, и бить себя кулаком в грудь да каяться. Есть, конечно, грехи. И в семье не без урода. Но кто в конце концов спешит в «аварийке» на помощь, бороздит моря и океаны, строит дома, прокладывает дороги, поднимает воздушные лайнеры, растит хлеб и вообще создает основу жизни? Не гусинские же и не березовские. А такие вот, как Максимов. Некорыстные...

Поздравил его с днем рождения и, как водится, пожелал «многая лета».

Во, в точку попал, - Максимов улыбается. - Я как дважды рожденный очень на долгие годы рассчитываю, активное долголетие. Чтобы поработать еще годков э-э... столько на прежнем месте. Это все-таки лучше, чем тихо сидеть на стуле и переводить добро на дерьмо. Штука в том, чтобы быть кому-то нужным. Согласен? Наверное, это и есть смысл жизни. Впрочем, суждение неокончательное. Будет время - поразмышляю...

Александр АСТАФЬЕВ

Николай Иванович - человек спортивный, увлекался футболом и даже 1-й разряд по нему отхватил, а теперь, с возрастным, перешел на теннис. И на пару с другом тренирует кусковских сорванцов: учитель возится с ребятами и по призванию, и по долгу службы, Максимов помогает на общественных началах. Да это для него и не работа - скорее, отдых. Хотя призвание педагогическое у Николая Ивановича есть. И такт, и деликатность, и подход, и особая наставническая чуткость. А главное - желание передать знания и умения пацанам. И пример показать - не курит, не пьет. Вот что значит настоящий спортсмен!

В свое время ему малость образования не хватило, и перешагнув он порог не школьной учительской, а цеха горячего проката Московского кабельного завода. И четверть века торил туда дорожку. Профессию получил серьезную -

же эта наука ему потом пригодилась!..

Плыть себе, а мысли крутятся: я ведь коллектор как свои пять пальцев знаю. Километра через три дюкеры начнутся. Они более узкие и все водой затоплены. Не выберешься! А тут высота коллектора - три метра, ширина - два. В общем, кислород есть. Надо срочно спасаться. Но как? Решил за попутные лестницы хвататься, а по ним и наружу выбираться. Впереди - четыре колодца, четыре лестницы, четыре попытки. Дальше - смерть.

На первой попытке каску у меня сорвало - течение сильное. Дальше плыву - тоже мимо. Вы фильмы ужасов смотрели? Нет, того, что я пережил, в кино не увидишь... Третья попытка - все напрасно. И тут я взвыл. Ну неужели, Господи, я родился и жил, чтобы умереть в этой клоаке? На повороте, где течение чуть поти-

ше: человек, мол, хозяин своей судьбы, какую стезьку-дорожку выбрал - по ней и топай. Но Максимов-то ничего не выбрал. Это время, судьба, чтоб не сказать звучнее - эпоха, закрутили его в своем водовороте. Сначала школа, потом морские части погранвойск, где он плавать по-настоящему научился. Затем цех горячего проката. Работенка там и в самом деле горячая - искры не только от металла, но и из глаз сыплются. Однако надо было поднимать семью, терпеть. За эти вот «горячие» четверть века Николая Ивановича в 50 лет и на пенсию определили (это когда он уже в Мосводоканале работал). Какая пенсия, когда дочка - студентка-первокурсница? Можно сказать, в нее весь педагогический талант вложен, все способности. Ну, не стал Максимов ни профессиональным спортсменом, ни тренером (а мечталось), ни учителем - пусть у дочери что-то получится!